

ЛИТЕРАТУРА

Всероссийская

олимпиада

школьников

*****

9 класс

II (муниципальный) этап

2015

ЗАДАНИЕ 1 (аналитическое). Выполните целостный анализ прозаического или поэтического текста (1.1 или 1.2 – на выбор).

ЗАДАНИЕ 1.1. Выполните целостный анализ рассказа **В.В. Быкова «Крутой берег реки»**, приняв во внимание следующие аспекты его идейно-художественной организации: авторский поворот темы Великой Отечественной войны; идея произведения и ее художественное воплощение; жанр, сюжетно-композиционная и пространственно-временная организация произведения; литературные средства, использованные писателем; образы персонажей в их смысловой взаимосвязи; авторская позиция и способы ее реализации.

В а с и л ь   Б ы к о в

КРУТОЙ БЕРЕГ РЕКИ

Обычно он появлялся тут на закате солнца, когда спадала дневная жара и от реки по ее овражистым, поросшим мелкоколесьем берегам начинало густо тянуть прохладой. К вечеру почти совсем стихал ветер, исчезала крупная рябь на воде, наступало самое время ночной рыбалки. Приехавшие на автобусе городские рыбаки то-ропливо растыкали на каменистых отмелях коротенькие удилища своих донок и, тут же расстелив какую-нибудь одежку, неприятно устраивались на недолгую июльскую ночь.

Петрович выходил к реке из травянистого лесного овражка со стороны недалекой приречной деревушки и одиноко усаживался на краю каменистого, подступавшего к самой воде обрыва. Его тут многие знали, некоторые развязно здоровались громкими голосами, задавали не-обязательные для ответа вопросы, с которыми обычно обращаются к детям. Он большей частью молчал, погруженный в себя, и не очень охотно шел к людям, предпочитая одиночество на своем излюбленном, неудобном для рыбалки, заваленном крупными камнями обрыве. Отсюда открывался широкий вид на весь этот помрачневший без солнца берег, широкую излучину реки с порожистым перекатом посередине и высокой аркой железнодорожного моста вдали, на пологий склон противоположного берега, густо затемневшего к ночи молодым сосняком. Чуть выше на реке фыркала-громычала ржавая громадина землечерпалки, весь долгий день беспрерывно вываливавшей на плоскую палубу баржи мокрые, растекавшиеся кучи грунта; но баржа, видать, ему не мешала.

Некоторое время спустя из-за бетонных опор моста, плавно обходя перекаат, выскакивала рез-

вая голубая «казанка». Растягивая на всю ширь притихшей реки длиннющий шлейф кормовой волны, она за перекаатом приметно сбавляла ход и по обмелевшему каменистому руслу начинала сворачивать к берегу. В «казанке» сидели двое – Юра Бартош, парень из соседней деревни, работавший в городе и наезжавший в знакомые места на рыбалку, и его городской друг Коломиец, с которым они приобрели в складчину эту голубую «казанку», оснащенную мощным современным двигателем.

Как и обычно, в тот вечер за рулем на корме сидел Коломиец, плотный крутоплечий человек с большими руками и тяжеловатым уверенным взглядом из-под длинного целлулоидного козырька надвинутой на лоб спортивной фуражки. Плавно сбавляя обороты «Вихря», он уверенно приближался к берегу, на котором уже заметил одинокую фигуру Петровича.

– А ну, подхвати! – заглушив мотор, крикнул он старику.

В наступившей над рекой тишине его басовитый голос прозвучал добродушной командой.

– Ну зачем? – привстал за ветровым стеклом Юра. – Я сам.

Он проворно перебросил через стекло свое загорелое, длинное, очень худое тело, легко спрыгнул на отмель, и они вместе с Петровичем между камней втащили на берег дюралевый нос лодки. Затем, пока Коломиец опрокидывал и зачехлял мотор, Юра в подкатанном до колен синем трико выгружал из лодки рюкзаки, донки, плащи, а старик, как незнакомый, безучастно стоял в стороне и пристально глядел через реку на тот ее берег, словно рассматривал там что-то необычайно важное. Он сосредоточенно, почти

отчужденно молчал, и они, занятые своим делом, не обращали на него внимания. Они уже знали, что теперь он до сумерек будет стоять так, уставясь взглядом в то место на берегу, где, выбежав из молодого сосняка, обрывалась, словно уходя под воду, песчаная лента дороги и где теперь раскачивались на поднятых «казанкой» волнах две примкнутые к бревну плоскодонки. Там был лесной перевоз, но людей почти никогда не было видно, лодками, кроме лесников, видать, редко кто пользовался.

Когда нехитрое рыбацье снаряжение было выгружено на берег, Коломиец сразу же, пока еще не стемнело, занялся донками, а Юра, поживаясь от речной свежести, торопливо натянул на себя синий свитер.

– Как с сушнячком сегодня, Петрович?

Старик не сразу оторвал от противоположного берега свои блеклые, слезящиеся глаза и скрюченными ревматическими пальцами больших работающих рук задумчиво прошелся по ровному ряду пуговиц, соединявших лоснившиеся борта заношенного военного кителя.

– Мало хвороста. Подобрали... Вот вязаночку маленькую принес...

Обтягивая свитер, Юра по камням взбежал на обрыв, оценивающим взглядом окинул тощую, перехваченную старой веревкой, вязанку хвороста.

– Да, маловато.

– Я так думаю, с вечера жечь не надо, – медленно, с усилием взбираясь за ним на обрыв, тихо заговорил старик. – Под утро лучше. С вечера люди всюду, помогут... А как под утро поспнут, кто поможет?

Тяжело переваливаясь с ноги на ногу, он отошел на три шага от обрыва и сел, расставив колени и свесив с них растопыренные, будто старые корневища, руки. Страдальческий взгляд его, обойдя реку, привычно остановился на том ее берегу с лодками.

– Оно можно и под утро, – согласился Юра. – Но в ночь бы надежнее. Может, я тоже подскочу, пошарю чего в овраге?

– В ночь бы, конечно, лучше... А то как признают? Раньше вон хутор был. А теперь нет. И этот мост новый... Незнакомый.

– Вот именно.

– Маленькое хотя бы огнище. Абы тлело – будет видать.

– Должно быть. Так я сбегая, пока не стемнело! – крикнул Юра с обрыва, и Коломиец внизу, цеплявший на крючки наживку, недовольно повернул голову.

– Да брось ты с этими костерками! Пока не стемнело, давай лучше забросим. А то костер – надобность такая! Вон кухвайка есть!

– Ладно, я сейчас... – бросил Юра и торопливо полез по камням вверх к зарослям ольшаника в широком овраге.

Оставшись один на обрыве, старик молчаливо притих, и его обросшее сизой щетиной лицо обрело выражение давней привычной задумчи-

вости. Он долго напряженно молчал, машинально перебирая руками засаленные борта кителя с красным кантом по краю, и слезящиеся его глаза сквозь густеющие сумерки немигающе глядели в заречье. Коломиец внизу, размахав в руке концом удочки, сноровисто забросил ее в маслянистую гладь темневшей воды. Сверкнув капроновой леской, грузило с тихим плеском стремительно ушло под воду, увлекая за собой и наживку.

– Ты вот что, дед! – резким голосом сказал он под обрывом. – Брось юродствовать! Комедию играть! Никто к тебе оттуда не придет. Понял?

Петрович на обрыве легонько вздрогнул, будто от холода, пальцы его замерли на груди, и вся его худая, костлявая фигура под кителем съежилась, сжалась. Но взгляд его по-прежнему был устремлен к заречному берегу, на этом, казалось, он не замечал ничего и вроде бы даже и не слышал неласковых слов Коломийца. Коломиец тем временем с привычной сноровкой забросил в воду еще две или три донки, укрепил в камнях короткие, с малюсенькими звончками удильца.

– Они все тебя, дурня, за нос водят, поддакивают. А ты и веришь. Придут! Кто придет, когда уже война вон когда кончилась! Подумай своей башкой.

На реке заметно темнело, тусклый силуэт Коломийца неясно шевелился у самой воды. Больше он ничего не сказал старику и все возился с насадкой и удочками, а Петрович, некоторое время посидев молча, заговорил раздумчиво и тихо:

– Так это младший, Толик... На глаза заболел. Как стемнеет, ничего не видит. Старший, тот видел хорошо. А если со старшим что?..

– Что со старшим, то же и с младшим, – грубо оборвал его Коломиец. – Война, она ни с кем не считалась. Тем более в блокаду.

– Ну! – просто согласился старик. – Аккурат блокада была. Толик с глазами неделю только дома и пробыл, аж прибегает Алесь, говорит: обложили со всех сторон, а сил мало. Ну и пошли. Младшему шестнадцать лет было. Остаться просил – ни в какую. Как немцы уйдут, сказали костерок разложить...

– От голова! – удивился Коломиец и даже привстал от своих донок. – Сказали – разложить!.. Когда это было?!

– Да на Петровку. Аккурат на Петровку, да...

– На Петровку! А сколько тому лет прошло, ты соображаешь?

– Лет?

Старик, похоже, крайне удивился и, кажется, впервые за вечер оторвал свой страдальческий взгляд от едва брезжившей в сутеме лесной линии берега.

– Да, лет? Ведь двадцать пять лет прошло, голова еловая!

Гримаса глубокой внутренней боли исказила старческое лицо Петровича. Губы его совсем по-

младенчески обиженно задрожали, глаза быстро-быстро заморгали, и взгляд разом потух. Видно, только теперь до его помраченного сознания стал медленно доходить весь страшный смысл его многолетнего заблуждения.

– Так это... Так это как же?..

Внутренне весь напрягшись в каком-то усилии, он, наверно, хотел и не мог выразить какую-то оправдательную для себя мысль, и от этого непосильного напряжения взгляд его сделался неподвижным, обессмыслел и сошел с того берега. Старик на глазах сник, помрачнел еще больше, ушел весь в себя. Наверно, внутри у него было что-то такое, что надолго сковало его неподвижностью и немотой.

– Я тебе говорю, брось эти забавки, – возясь со снастями, раздраженно убеждал внизу Коломиец. – Ребят не дожدهшься. Амба обоим. Уже где-нибудь и косточки сгнили. Вот так!

Старик молчал. Занятый своим делом, замолчал и Коломиец. Сумерки наступающей ночи быстро поглощали берег, кустарник, из приречных оврагов поползли сизые космы тумана, легкие дымчатые струи его потянулись по тихому плесу. Быстро тускнея, река теряла свой дневной блеск, темный противоположный берег широко опрокинулся в ее глубину, залив речную поверхность гладкой непроницаемой чернотой. Землечерпалка перестала гроыхать, стало совсем глухо и тихо, и в этой тишине тоненько и нежно, как из неведомого далека, тиликнул маленький звоночек донки. Захлябав по камням подошвами резиновых сапог, Коломиец бросился к крайней на берегу удочке и, сноровисто перебирая руками, принялся выматывать из воды леску. Он не видел, как Петрович на обрыве трудно поднялся, пошатнулся и, сгорбившись, молча побрел куда-то прочь от этого берега.

Наверно, в темноте старик где-то разошелся с Юрой, который вскоре появился на обрыве и, крикнув, бросил к ногам трескучую охапку валенника – большую охапку рядом с маленькой вязанкой Петровича.

– А где дед?

– Гляди, какого взял! – заслышав друга, бодро заговорил под обрывом Коломиец. – Келбик что надо! Полкило потянет...

– А Петрович где? – почуввав недоброе, повторил вопрос Юра.

– Петрович? А кто его... Пошел, наверно. Я сказал ему...

– Как? – остолбенел на обрыве Юра. – Что ты сказал?

– Все сказал. А то водят полоумного за нос. Поддакивают...

– Что ты наделал? Ты же его убил!

– Так уж и убил! Жив будет!

– Ой же и калун! Ой же и тумак! Я же тебе говорил! Его же тут берегли все! Щадили! А ты?..

– Что там щадить. Пусть правду знает.

– Такая правда его доконает. Ведь они погибли оба в блокаду. А перед тем он их сам вон туда на лодке отвозил. И ждет.

– Чего уж ждать?

– Что ж, лучше ничего не ждать? Здоровому и то порою невмочь, а ему? Эх, ты!

– Ну ладно, ладно...

– Нет, не ладно! Пошел ты знаешь куда! Где мой рюкзак?

Под заволоченным темнотой обрывом слышался тихий стук осыпавшихся под ногами камней, резкий лязг цепи по гулкой обшивке лодки и несколько быстро удаляющихся в ночь шагов. Когда они затихли вдаль, над рекой воцарилась плотная ночная тишина. Едва поблескивая аспидной поверхностью, тихо текла в вечность река, и постепенно в разных местах, на невидимых в темноте берегах, близко и далеко зажигались рыбацьи костры. Среди них в этот вечер не загорелся только один – на обрыве у лесного перевоза, где до утра было необычно пустынно и глухо.

Не загорелся он и в следующую ночь.

И, наверно, не загорится уже никогда...

1972 г.

ЗАДАНИЕ 1.2. *Выполните целостный анализ стихотворения К.Ф. Рылеева «К N.N.», приняв во внимание следующие аспекты его художественной организации: жанр произведения; соотносённость с основными разновидностями лирики; своеобразие разработки традиционной лирической темы в нем; характер противопоставлений, с помощью которых автор выражает свою позицию; построение текста; его эмоциональная окраска; образ лирического героя и образ адресата (адресатов?) стихотворения; исторический и историко-литературный контексты, необходимость их учета для истолкования произведения; его язык и стиховые характеристики. Ваша работа должна представлять собой целостный, связный, завершённый текст.*

Кондратий Рылеев

К N.N.

Ты посетить, мой друг, желала
Уединенный угол мой,
Когда душа изнемогала
В борьбе с болезнью роковой.

Твой милый взор, твой взор волшебный
Хотел страдальца оживить,
Хотела ты покой целебный
В взволнованную душу влить.

Твое отрадное участие,
Твое вниманье, милый друг,
Мне снова возвращают счастье
И исцеляют мой недуг.

Я не хочу любви твоей,
Я не могу ее присвоить;
Я отвечать не в силах ей,
Моя душа твоей не стоит.

Полна душа твоя всегда
Одних прекрасных ощущений,
Ты бурных чувств моих чужда,
Чужда моих суровых мнений.

Прощаешь ты врагам своим –
Я незнаком с сим чувством нежным
И оскорбителям моим
Плачу отмщеньем неизбежным.

Лишь временно кажусь я слаб,
Движеньями души владею;
Не христианин и не раб,
Прощать обид я не умею.

Мне не любовь твоя нужна,
Заняться нужны мне иные:
Отраднa мне одна война,
Одни тревоги боевые.

Любовь никак нейдет на ум:
Увы! моя отчизна страждет, –
Душа в волненье тяжких дум
Теперь одной свободы жаждет.

1824 или 1825

ЗАДАНИЕ 2 (творческое). *Напишите статью для школьной газеты на тему «Год литературы и его значение в жизни современного общества». (Примерный объем – 500 слов.)*

К р и т е р и и о ц е н к и а н а л и т и ч е с к о г о з а д а н и я

Критерии оценки аналитического задания распространяются как на работы, в которых анализируется прозаическое произведение, так и на работы, посвященные анализу поэзии.

С целью снижения субъективности при оценивании работ предлагается ориентироваться на ту шкалу оценок, которая прилагается к каждому критерию. Она соответствует привычной для российского учителя **четырёхбалльной системе**: первая оценка – условная «двойка», вторая – условная «тройка», третья – условная «четверка», четвертая – условная «пятерка». Баллы, находящиеся между оценками, соответствуют условным «плюсам» и «минусам» в традиционной школьной системе.

Пример использования шкалы. При оценивании работы по первому критерию ученик в целом понимает текст, толкует его адекватно, делает верные наблюдения, но часть смыслов упускает, не все яркие моменты подчеркивает. Работа по этому критерию в целом выглядит как «четверка с минусом». В системе оценок по критерию «четверке» соответствует 20 баллов, «тройке» – 10 баллов. Соответственно, оценка выбирается проверяющим по шкале «в районе» 30 баллов. Такое «сужение» зоны выбора и введение пограничных оценок-«зарубок», ориентированных на привычную модель оценивания, поможет избежать излишних расхождений в таком субъективном процессе, как оценивание письменных текстов.

Оценка за работу выставляется сначала в виде последовательности цифр-оценок по каждому критерию (ученик должен видеть, сколько баллов по каждому критерию он набрал), а затем в виде итоговой суммы баллов. Это позволит на этапе показа работ и апелляции сфокусироваться на обсуждении реальных плюсов и минусов работы.

К р и т е р и и:

1. Понимание произведения как «сложно построенного смысла» (Ю.М. Лотман), последовательное и адекватное раскрытие этого смысла в динамике, в «лабиринте сцеплений», через конкретные наблюдения, сделанные по тексту. **Максимально 30 баллов. Шкала оценок: 0 – 10 – 20 – 30**

2. Композиционная стройность работы и её стилистическая однородность. Точность формулировок, уместность цитат и отсылок к тексту. **Максимально 15 баллов. Шкала оценок: 0 – 5 – 10 – 15**

3. Владение теоретико-литературным понятийным аппаратом и умение использовать термины корректно, точно и только в тех случаях, когда это необходимо, без искусственного усложнения текста работы. **Максимально 10 баллов. Шкала оценок: 0 – 3 – 7 – 10**

4. Историко-литературная эрудиция, отсутствие фактических ошибок, уместность использования фонового материала из области культуры и литературы. **Максимально 5 баллов. Шкала оценок: 0 – 3 – 7 – 10**

5. Общая языковая и речевая грамотность (отсутствие языковых, речевых, грамматических ошибок). Примечание 1: сплошная проверка работы по привычным школьным критериям грамотности с полным подсчетом ошибок не предусматривается. Примечание 2: при наличии в работе речевых, грамматических, а также орфографических и пунктуационных ошибок, затрудняющих чтение и пони-

мание текста, обращающих на себя внимание и отвлекающих от чтения (в среднем более трёх ошибок на страницу текста), работа по этому критерию получает ноль баллов. **Максимально 5 баллов.**
Шкала оценок: 0 – 1 – 3 – 5

Итого: максимальный балл – 70 баллов

Н.В. Направления для анализа, предложенные школьникам, носят рекомендательный характер; их назначение лишь в том, чтобы направить внимание на существенные особенности проблематики и поэтики текста. Если ученик выбрал собственный путь анализа – он имел на это право, и оценивать надо работу в целом, а не наличие в ней исключительно размышлений по предложенным направлениям.

К р и т е р и и о ц е н к и т в о р ч е с к о г о з а д а н и я

1. Глубина понимания проблемы. **Шкала оценок: 0 – 3 – 7 – 10. Максимально 10 баллов.**

2. Общекультурный и литературный кругозор. **Шкала оценок: 0 – 3 – 7 – 10. Максимально 10 баллов.**

3. Владение навыками создания связного, цельного, соответствующего заявленной теме, лексически и стилистически богатого, выразительного текста. **Шкала оценок: 0 – 3 – 7 – 10. Максимально 10 баллов.**

Итого: максимальный балл – 30 баллов

Итого за всю работу: максимальный балл – 100 баллов.